

М.Г. Халанский

**О сербских народных песнях
косовского цикла**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М11 **М.Г. Халанский**
О сербских народных песнях косовского цикла / М.Г. Халанский – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-518-07245-9

ISBN 978-5-518-07245-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дѣть же самъ яко на предѣль нѣкій, Градъчаничскій глаголемый, идѣ же ся преды заступившихъ того обрѣтаеть, на них же зѣло мужественно ополчися, елико того узрѣвшимъ тѣмъ, другъ к другу воскликнути: „възрите, възрите Лазарева сына!“ И абіе со словом бѣгу ся яша. Сей же окровавляше десницу свою въ мѣсти крови врагъ своихъ“ ¹⁾. Стефан Лазаревич пользовался самостоятельностью; имѣл верх над Турками и Юрій Бранкович. И только послѣ дѣйствительно роковой, трехдневной битвы с Турками на Косовом Яна Гуніяди в 1448 г. участь Сербіи была окончательно рѣшена, — т. е. почти через 60 лѣтъ послѣ Косовскаго боя 89 г. Несомнѣнно, эпическій образ Косовскаго побоища создан под вліяніем воспоминаній о нѣскольких дѣйствительных битвах на Косовом; отнесеніе же его к 1389 г. и соединеніе с именем Лазаря нужно объяснить главным образом нравственными мотивами. Сербы хорошо помнят, что „на Косову обадва цара погинула“. Из них Лазарь до битвы пользовался популярностью за свои нравственныя качества; Косовскій бой еще болѣе возвысил его в глазах народа, как героя, страдальца за вѣру и народное дѣло. Жена деспота Углѣши вышила золотом слѣдующее между прочим на покровѣ гробницы Лазаря: „въ краснихъ мира сего въспиталь се еси отъ юности своее, о нови мучениче, кнеже Лазаре, и крѣпка рука господна въ всѣхъ господахъ земельнихъ крѣпка и славна показа те! Господствовалъ еси и землею отъчѣствіа си, и въ всехъ благыхъ възвеселилъ еси вѣроученіе ти христіани и мужьствнимъ срдцемъ и желаніемъ благочестіа изышлъ еси на зміа и съпостата божьствнихъ цркъвь, расоудив нестрѣпимо бити срдцу твоему, зрети христіани отъчѣствіа ти обладаемимъ бити Измаилтени, аще ли сего неполучиши, обагрити се крвїю своею я съвькоупити се съ вои небеснаго цара; тѣмъ же и двѣ желеаме получили еси, и зміа убиль еси и моученіа вѣнць въсприель еси отъ Бога“ ²⁾.

¹⁾ Гильферд. III, 161.

²⁾ Ib. 196.

Неизвѣстный автор эпитафiи обращенной к Косову полю так говорит: zde (на Косовом) некогда велькы самодръжьць, чюдо земельное и рыга сръпскы, иже нарицаемы Лазарь князь великыи, благочѣстiю непоколѣбимы стльць, благоразоумiю поучина и мудрости гльбина, огнiй оумь, страннымь прѣдстатель, питатель альчующим и нищим помилванiе, скръбым милванiе и оутешитель, иже вса любей, елика Христось хошет . . . съ вѣсьми своими . . . на врагы устрьмишесе ¹⁾).

Убиенiе Милошем Мурата — подвиг поистинѣ юнацкiй непремѣнно должен был сдѣлаться достоянiем эпоса. Трагическая судьба других лиц причастных событiю давала множество прекрасных сюжетов для творческой дѣятельности народа.

Ни Стефан Лазаревич ни еще болѣе Юрiй Бранкович, непопулярностию и славой, как Лазарь; положенiе Сербiи под их главенством было незавидно: внутри безпокоили междоусобiя, извнѣ тѣснили Турки; вскорѣ послѣдовало и окончательное паденiе. Естественно, вѣ эти невзгоды обращали мысли и вниманiе народа назад, к прошлому времени славы и могущества, представителем котораго являлся страдалец Лазарь. С жизнью Лазаря он соединил свою славу и могущество, с смертью его — свою смерть как политическаго цѣлаго.

Срдит Марко језди низ Косово
Рони сузе низ бијело лице
А кроз сузе гњевно проговора:
„Ој, давори, ти Косово равно!
„Шта си данас дочекало тужно
„После нашег кнеза честитога
„Да Арапи сад по теби суде!“

Вук II, N 69, 108—114.

Конечно, — послѣ Лазаря. Много этому способствовало и то, что Сербскiе правители послѣ Лазаря постепенно подвигаются к сѣверу, покидают Старю Сербiю — ядро древняго

¹⁾ Гильферд. III, 193.

Сербскаго государства, населеніе которой было главным творцом эпических произведеній Сербов. Косовскій бой являлся для жителей Старой Сербіи завершеніем блестящаго періода самостоятельной жизни и началом невзгод, безславія и униженія. На него и обратил свое вниманіе народ, на изображеніи его деталей и сосредоточили свои силы пѣвцы — хранители преданій старины. Так возник прекрасный круг косовских пѣсен, — часть другого, извѣстнаго у сербских пѣвцов под именем „Лазарицы“.

II.

Косовскія пѣсни содержаніем своим обнимают различные моменты косовскаго событія, так что соединив их и расположив в хронологической послѣдовательности, можно составить цѣлую эпопею. Попытки такого составленія косовских пѣсен были. На русск. яз. это было сдѣлано г. Безоновым в „Рус. Бесѣдѣ“ за 1857 г. ¹⁾; на сербском — г. Новаковичем и недавно г. Павичем в сочиненіи „*Narodne pjesme o boju na Kosovu*“. Zagreb. От предыдущих эта отличается тенденціей. Г. Павич выходит из предположенія, что первоначально существовала только одна косовская пѣсня, сложившаяся послѣ самаго боя и воспѣвавшая в общих чертах событіе; потом эта пѣсня распалась. Всѣ извѣстныя до сих пор косовскія пѣсни поэтому суть только отрывки, эпизоды, *tembra disjecta* одной пѣсни (стр. 3). Мнѣніе это прекрасно разобрано г. Новаковичем в сочиненіи „*Српске narodne pjesme o boju na Kosovu*“, Беогр. 1878. В этом трудѣ уважаемый автор постарался доказать полную самостоятельность отдѣльных косовских пѣсен. Мы рассмотрим мнѣніе г. Павича с болѣе общей точки зрѣнія, надѣясь, что послѣдующее разсмотрѣніе каждой из пѣсен

¹⁾ В прошлом году вышла в Варшавѣ брошюра: *Косово поле*. Сербская былина, перевод с сербскаго И. Соневицкій. Но это — не перевод, а скорѣе вольная передѣлка сюжетов косовских пѣсен.

в частности яенѣ опредѣлит самостоятельность развиваемых ими мотивов. Г. Павич, исходя из предположенія о существованіи первоначально одной косовской пѣсни, старается возстановить ее на основаніи существующих в настоящее время пѣсен. Основное свое положеніе он оставляет недоказанным, так что мы были бы в правѣ противопоставить ему другую гипотезу, необставляя се никакими аргументами. Но г. Павич не провел послѣдовательно в сочиненіи своей мысли. Признавая всѣ пѣсни Вукова сборника эпизодами первоначальной единой косовской, о пѣснѣ „смерт мајке Југовића“ (Вук, II, 48) замѣчает, что она составлена совершенно самостоятельно (стр. 55); здѣсь же сомнѣвается в том, составляла ли эпизод пѣсня „косовка дјевојка“ (Вук, II, 51). Овим се тврђенем признаје принцип, да су поводом косовског догађаја певале самосталне пјесме о разним моментима тога догађаја, а тај је принцип потпуно противан тому, којег се држи писац (Новаков., стр. 129). Едва ли можно согласиться с тѣм, что говорит Павич на стр. 9: „*ovakova (сложившаяся послѣ боя) kosovka pjesma može biti da ne bijaše samo jedna, mogle su u isti vrijeme, makar i u isti dan u različitim krajevih postati mnoge takove pjesme, ali one između sebe bijahu samo neznatno različite, a glavna slika cijeloga događaja mora da u svakoj bijaše jednaka*“. Самое повергнутое наблюденіе над дѣйствительною жизнью убѣждает в противном. Если о мелочных событіях обыденной жизни можно слышать самые разнорѣчивые и разнообразныя рассказы, то что же о событіях первостепенной важности? Ниже мы покажем, что и первоначальная родина косовских пѣсен ограничивалась сравнительно небольшим пространством.

Составленная г. Павичем пѣсня имѣет 1853 стиха. Сомнительно, чтобы такая длинная пѣсня могла жить и пѣться у народа. Народная пѣсня существует для устной передачи; длинная пѣсня должна утомлять и пѣвца и слушателя.

„Длинные пѣсни рѣдко бывают хороши; всегда лучше

кончатъ во время, нежели быть прерваннымъ в середине пѣсни“, говоритъ финскій герой Лемминкайнен ¹⁾ и совершенно справедливо. Народная пѣсня избѣгаетъ эпизодов. С тактомъ истиннаго художника народъ всякій фактъ — будь это событіе или эпизод — представляетъ такъ, что онъ является самостоятельнымъ, выдѣляющимся изъ другихъ, хотя и стоящимъ в связи с другими. На этомъ основывается понятіе вообще о циклахъ эпическихъ. Развѣ о нашемъ Ильѣ Муромцѣ, походѣ Грековъ подъ Трою и пр. существовали первоначально большія пѣсни, *потомъ* распавшіяся?! Правда, г. Павичъ различаетъ „когда говорится о человѣкѣ-богатырѣ, дѣйствовавшемъ цѣлый человѣческій вѣкъ и когда говорится об одномъ событіи, обнимающемъ нѣсколько дней“ (стр. 54). Но это различіе неимѣетъ особеннаго значенія: иногда одно событіе, происшедшее хотя бы в нѣсколько дней, влечетъ за собою гораздо важнѣйшія послѣдствія, чѣмъ вѣковая дѣятельность единичнаго человѣка. Да вѣдь *событіе* есть только заключеніе, завершеніе процесса, продолжавшагося иногда очень долго.

Возможность такой длинной пѣсни г. Павичъ основываетъ на томъ, что существуетъ пѣсня о женидѣбѣ Максима Црноевича (Вук, II, N 89) изъ 1226 стиховъ (стр. 55). Но эта пѣсня — единственная по величинѣ изъ всего Вукова сборника. Особенности ея в значительной степени обусловливаются свойствами пѣвца, старика Милия изъ Колашина, весьма даровитаго, отъ котораго Вукъ записалъ ее. В вариантѣ этой пѣсни, записанной Милутиновичемъ отъ Живалы Марковича со Кчева изъ Велестова, находится лишь 87 стиховъ ²⁾. В сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ изъ Босны и Герцеговины Петрановича помѣщена большая пѣсня в 1607 стиховъ о Косовской битвѣ; г. Павичъ о ней не упоминаетъ в своемъ сочиненіи, но она не можетъ служить для него точкой опоры. Петрановичъ записалъ ее отъ Иліи Дивяновича, че-

¹⁾ Калевала перев. Гранстрем, стр. 61.

²⁾ Милутинов. Пѣванія Црногорска и Херцеговачка, N 70, стр. 119.

ловѣка грамотнаго и даровитаго, который легко облакал какой угодно сюжет в поэтическую форму ¹⁾). Ягич утверждает, что пѣсня Иліи Дивяновича новаго склада, дѣло личное и составлена неумѣло; с ним согласен и Новакович (стр. 151).

Допустим, что первоначально была одна косовская пѣсня. Можем ли мы сказать о ней что либо опредѣленное? Пѣсня — стихія живучая, подвижная; движеніе это обусловливается свободною дѣятельностію творческих сил чело-вѣка. Поэтому относительно состава пѣсни мы неможем заключать от настоящаго к прошедшему; а г. Павич даже утверждает, что косовскія пѣсни остались в продолженіи пяти вѣков неизмѣнными и стоит только их подтасовать, как получим опаку рјевтѹ, која рјеваѣе сјјелі бој (стр. 55). Имѣя под руками нѣсколько вариантов одной пѣсни весьма легко впасть в ошибку, признавъ новый вариант за болѣе древній. Это и случилось с г. Павичем: он счел Юкичев вариант пѣсни о матери Юговичей древнѣе Вукова и помѣстил его в своей „цѣлицѣ“; между тѣм как раз наоборот он гораздо новѣе послѣдняго, как мы это покажем. Мы считаем болѣе основательным утверждать, что косовскія пѣсни возникли самостоятельно, независимо одна от другой, что каждая из них — есть цѣлое, а не оторвавшаяся часть, и развивает самостоятельный мотив.

III.

На основаніи общепринятой истины, что пѣсня слагается по горячим слѣдам событія, слѣдует признать 1389 год исходной точкой созиданія пѣсен Косовскаго цикла. О существованіи Косовских пѣсен первый упоминает Курипечич. В описаніи своего путешествія в Царь-град в 1531 г. он между прочим говорит: „о Кобиловичѣ до настоящаго времени много поют пѣсен в Кроации“. Это свидѣтельство, говорит Ягич, вдвойнѣ интересно: „из него видно, что в началѣ 16 в. сюжеты пѣсен о Косовской катастрофѣ перешли тѣсныя сербскія границы, ибо о Кобило-

¹⁾ Новакович, Нар. п. о б. на Кос., 150.

вичъ много пѣлось в Кроациа“¹⁾. В исторических повѣствованіях о Косовской битвѣ, относящихся к XV в., встрѣчаются ясныя указанія на существованіе в этом вѣкѣ цикла Косовских пѣсен. Сюда принадлежат: повѣствованіе о Косовской битвѣ, писанное Сербином, Константином Константиновичем и извѣстное в польском переводѣ под названіем „*Ramiętki Janicza Polaka*“²⁾; рассказы о том же событіи Дубровничанина Пријевича и переводчика исторіи Михайла Дуки. В сравненіи с болѣе поздними рассказами о том же — Мавро-Орбини, конца XVI в. и Трношскаго лѣтописца начала XVIII, — эти неполны. Новакович объясняет это тѣм, что в XVI в. косовскія пѣсни еще несовсѣм сложились; нѣкоторые сюжеты, как напр. о ссорѣ Милоша с Вуком из-за-жен, явились позже (стр. 145). Нам кажется, что из неполноты рассказов о Косовской битвѣ Яничара Поляка, Пријевича и др. еще ничего нельзя заключать о составѣ прежних косовских пѣсен. У них могли быть свои мотивы, по которым однѣ пѣсни и преданія они сообщали, а о других умалчивали.

О нѣкоторых пѣснях можно утвердительно сказать, что онѣ были уже в XV вѣкѣ; в таких весьма замѣтно отразился характер Сербской исторіи XV в. В первой половинѣ XV вѣка Сербія, правда, сохраняла самостоятельность, но над ея головою уже тяготѣла турецкая гроза; по временам она давала себя чувствовать Сербам. Естественны в это время ожиданія „последняго времени“; не в одной Сербіи, но и в Византіи тогда чаяли пришествія антихриста. Ожиданія эти прекрасно выражены в пѣснѣ „*Зидане Раванице*“ (Вук II, 35, 36). Раваница построена была еще до Косовской битвы, в 1376 г., но пѣсня или составлена послѣ битвы или вновь передѣлана. Вліяніем совершившихся событій всѣ факты дѣятельности Лазаря получили особое освѣщеніе и построенію Раваницы было

¹⁾ Славянск. Ежегодн. 1878 г., стр. 239.

²⁾ Григорович. О Сербіи в ея отнош. к сосѣдн. держав., стр. 45.

придано важное значеніе. Прежде всего, церковь эта не такова, как другія: когда Лазарь, по окончаніи работ, пришел посмотреть на нее, то

Сину црква, као јарко сунце

(Вук II, 36, ст. 242)

Лазарь, строя церковь, будто знал, какая судьба ожидает его: когда патриархи, епископы и священники собрались на похороны Лазаря и просили Святого указать мѣсто, гдѣ он желает покоиться,

Не ће светац задужбини туђој
Већ он оде својој задужбини,
А у своју красну Раваницу
Под високом под Кучај-планином,
Што је Лаза саградио цркву
За живота јоште за својега,
Саградио себи задужбину
О свом лебу и о своме благу
А без суза без сиротињскије.

(Вук, N 54, ст. 79—до конца).

В пѣснѣ говорится о рѣшеніи князя Лазаря построить, по примѣру Неманичей, церковь „задушбину“ из золота, серебра, бисера и драгоценных камней. Вся „Српска господа“ была согласна с Лазарем, только Милош „сједи, ништа не бесједи“. Лазарь замѣтил это и, подавая ему чашу с вином; проговорил: „будь здоров, воевода Милош! скажи и ты что нибудь мнѣ: вѣдь я хочу строить задушбину“. Взял Милош чашу; выпьет вино, а так говорит: „спасибо тебѣ, князь, на добром словѣ! А что ты хочешь строить задушбину, то — нѣтъ на то времени и неможет быть. Возьми, князь, „книге старославне“ да посмотри, что там говорится: *настало послѣднее время*, скоро отнимут Турки царство, будут сами царствовать; разрушат наши задушбины, разрушат монастыри, разрушат и Раваницу. Выкопают олово из основанія церкви, сольют из него пушечныя ядра, да будут разбивать ими наши города; разрушат серебряныя стѣны, сольют украшенія на своих коней; розломают золотой покров, скуют ожерелья своим женам; разнижут

с церкви бисер, напижут женам на ожерелья; вынут дорогие камни да вставят их в эфесы своих сабель и в золотые перстни женщин.

Већ чу ли ме славни кнез Лазаре!
Да копамо мермера камена
Да градимо цркву од камена
И Турци ће царство преузети
И наше ће задужбине служит
Од вијека до суда Божјега:
Од камена ником ни камена.

Лазарь соглашается с Милошем и строит каменную церковь.

Тот же мотив встрѣчается между прочим в пѣснѣ о построеніи Дечанскаго монастыря (Гильферд. III, 108—111). Царь Стефан уступает Душану царство и только просит у него для себя село Дечане, в котором он намѣрен построить церковь

Ођу градит била манастира,
Темелъ ћу ју од срме градити
А дирече од бјела карловца,
А покрит ју жеженијем златом;
Да ју вишим да височје нема,
Да ју шарим да ју дјепше нема,
Да ју нигда у свијету нема!
Нек се знадне царска залушбина,
Нек се знадне: јесмо царовали!

Сестра Елена на это ему отвѣчает:

А мој брате, Српски цар Стефане!
Немој таквог манастира градит,
Не л' кажују кнѣге старостојне
Ође Турци преузети царство
Неће ни се одржати црква,
Одржати у Турскому царству:
Ође Турци развалити цркву,
Покупити срму и позлату,
Од срме те рахтове градити
Те китити коње сједленике,
А од злата булама джердаме,

Тер китити своје вјерне лубе.
Но ти гради бјела манастира
Темел гради од студен' камена,
А покриј ју тешкијем оловом:
За то Турци ни гледати неће,
Тако ће се одржати црква
Одржати у Турскоме царству,
И у ну ће пјеват летурђија
И купит се народ Србадија“.

Ср.: Миладинов. Болгарск. п. N 47.

Пјесня была сложена гораздо ранише косовских; но этот мотив привязан к ней позже; влияния косовских пјесен могло при этом и небыть. Уцѣлѣвшіе от турецкаго погрома пѣкаторые манастиры и церкви, естественно, наталкивали народ на мысль, что Неманичи с намѣреніем строили свои задушбины из камня и мрамора, чтобы онѣ вѣчно свидѣтельствовали об их царствованіи. Мотив этот входил в состав прежних пјесен, служил также основаніем для сложенія новых (Зидане Раванице).

У Болгар пјесня о построеніи Раваницы приняла слѣдующій вид:

Дане бане ¹⁾, челѣнине, Со сѣляне со с кмѣтове.
Дан ми бан ми винѣ пиѣ Селяне му говорѣха:

¹⁾ В этой пјеснѣ еще можно видѣть указаніе на историческую личность Дана воеводы, быть может того, о котором сербская лѣтопись упоминает под 1432 г.: въ лѣто 6940 прѣстависе Данъ воевода, храброванъ доблестнѣ на Имаилти (В. В. Макушев. О нѣкотор. рукописях нар. библ. в Бѣлградѣ. Р. Ф. В. VII 23); но весьма сомнительно, чтобы упоминаемое в других болг. пјеснях назв. „Дан-бан, дан-войвода“ означало собственное имя. Подобно тому как—„остров Буян“ значит собств. „буйный остров“,—„дан бан“ значит—„данный (в см.: названный, принимаемый в данном случаѣ за такового) бан“. Первоначально это выраженіе употреблялось, вѣроятно, в колядках —

Стани нинѣ, домакино,

Дане бане, дан войводо! (запис. М. С. Дринов),
гдѣ оно имѣло значеніе выраженія почтенія, уваженія коля-